

Поэзия Хильдегарды Бингенской (1098–1179)

Когда читатель переходит от других средневековых текстов к сочинениям монахини Хильдегарды, он должен пережить потрясение, подобное тому, которое каждый испытывает, покончив с первой частью "Фауста" Гёте и взявшись за вторую. Его глаза должны привыкнуть к новому освещению, которое поначалу кажется непроглядным мраком. Вместо веселого звона рифм, наполняющего поэзию позднего средневековья, его встречает некое подобие современного верлибра, вместо наивно-рассудительных назиданий, рассудочных аллегорий, упорядоченной словесной игры — темные и многозначительные символы, соединяемые по ассоциативному принципу с такой бесконечной свободой, какую он привык встречать разве что у самых дерзновенных поэтов новейшей эпохи.

Эти необычные сочинения принадлежат необычному человеку. Для того чтобы в XII в. женщина могла заговорить перед всем миром, да еще возвещая не школьную премудрость, а некую тайну, открытую ей и только ей, она должна была соединить в себе общепризнанную святость, визионерский дар, гениальные способности и сильную волю. Эпоха женской монашеской мистики, существенно повлиявшая на пути развития немецкой культуры, наступит не раньше, чем через столетие (Мехтхильда Магдебургская, 1210–1282; Мехтхильда Хакеборнская, 1241–1299; Гертруда Великая, 1256–1302). В средневековой Германии именно Хильдегарда была той, которая "научила женщин говорить", и как всегда бывает в подобных случаях, сама достигла такого духовного уровня, который оказался недостижим даже для самых замечательных ее последовательниц. Ее творчество в лучшем смысле этого слова мужественно; в нем совершенно отсутствуют черты расслабленной чувствительности, ребяческой умильности, невзыскательного духовного провинциализма; общий тон остается чистым и строгим даже в описаниях самых невообразимых экстатических и визионерских переживаний. Читательское впечатление от текстов Хильдегарды — впечатление от альпийского пейзажа: горный воздух и захватывающая дух крутизна. Этот почти жесткий аристократизм духа достоин великой рыцарской культуры XII в.

Хильдегарда и в самом деле была отпрыском рыцарского рода. Она родилась в 1098 г. С пяти лет она имела видения, что побудило родителей рано вверить девочку духовной опеке монахинь бенедиктинского монастыря в Дизибоденберге. В 1136 г. Хильдегарда сама стала аббатисой этого монастыря, в 1147 г. перенесенного на холм св. Руперта близ рейнского города Бингена (по которому Хильдегарда получила свое прозвище). В 1141 г. с ней случилось то, что сделало ее писательницей — что именно, мы никогда не узнаем иначе, как с ее слов. Сама же она повествует об этом так: "Се, на сорок третьем году земного моего странствия, когда с великим страхом и трепетным прилежанием вникала я в небесное видение, случилось так, что я узрела величайший свет, из которого был глас небесный, провещавший мне: "О, бренный человек, и прах праха, и тление тления! Расскажи и запиши, что ты увидишь и услышишь. Поелику же ты слишком робка, чтобы говорить, и слишком проста, чтобы толковать, и слишком неучена, чтобы писать, расскажи и запиши это, сообразуясь не с разумом измышления человеческого, и не с произволом сочинительства человеческого, но с тем, как ты видишь сие на небесах в вышних и в дивности Божией, повторяя преподанное, как слушатель, ловя слова наставника своего, обнаружит их сообразно тому, как они были сказаны, следуя воле, и мысли, и речи наставника. Так и ты, о человек, скажи то, что ты видишь и слышишь, и запиши виденное и слышанное, сообразуясь не с собою и не с каким бы то ни было другим человеком, но с волею Того, кто все ведает, и зрит, и устрояет в сокровенности тайн своих".

И дальше она повествует об этом же событии: "Совершилось... что огнистый свет с величайшим блистанием сошел из разверстых небес, затопил весь мой мозг и воспламенил все мое сердце и всю мою грудь как бы пламенем, притом не только сияющим, но и

согревающим, как согревает солнце ту вещь, на которую изливает лучи свои; и я немедля уразумела изъяснение смысла книг, то есть Псалтири, евангелий и прочих кафолических писаний, как Ветхого, так и Нового Завета".

Этим рассказом открывается книга под несколько диковинным названием "Scivias" ("Путеведение"). Хильдегарде было вовсе не так просто исполнить полученный приказ, она была женщиной и поэтому никогда не училась латыни систематически. Конечно она затвердила наизусть латинский текст псалмов и других богослужебных текстов, как это само собой разумелось для всякой монахини, но смысл этих текстов она проясняла для себя скорее догадками и озарениями, нежели каким-либо иным способом. Когда она взялась за перо, ей пришлось не раз обращаться к знакомым клирикам за консультацией относительно склонений и спряжений слов. Латынь сочинений Хильдегарды — это удивительный языковой феномен, граничащий с глоссологией: полужнакомый язык лежит перед писательницей, как нетронные лесные заросли, сквозь которые ее ведет уверенность лунатика, причем каждое слово обладает такой весомостью и многозначительностью, которых оно уже не имело для более привычного глаза. Но и такая поистине визионерская латынь казалась Хильдегарде все еще слишком обычной и стертой для передачи ее экстазов — и вот она углубляется в конструирование некоего несуществующего сверхъязыка, на много столетий предвосхищая словотворческие эксперименты новейшей эпохи. Ею был составлен лексикон из 920 заново изобретенных вокабул с переводом на латинский и немецкий языки под заглавием "Язык незнаемый" — и в придачу она выдумывала новые начертания для букв! Более деловой и все же достаточно необычайный характер имели ее естественнонаучные и медицинские штудии: в ее трактатах "Физика" и "Причины и врачевания" странно соединяются ясновидческая женская интуиция по части тайн живой природы, практические познания в области народных навыков и мистическое влечение к сокровенному смыслу каждого цветка и червя. Она очень точно и толково описывает 230 видов растений, но каждый из них имеет для нее свое соответствие во внутреннем мире человека. Почтенная аббатиса во время своих путешествий сама занималась врачеваниями как душ, так и немощных тел, и притом не только Молитвами, но и конкретными советами. Как это обычно бывает с такого рода святыми исцелительницами, сама она страдала тяжелой болезнью и не была избавлена от нее никаким чудом. Современники обращались к ней за советами отнюдь не только медицинского характера; государи и князья церкви засыпали ее письмами, излагая ей свои затруднения и терзания совести, приглашая ее рассудить спор, жалуясь на противников. Она отвечала кратким и простым напоминанием о нравственном долге, как она его понимала.

Двадцать девять религиозных стихотворений Хильдегарды — не совсем стихотворения с точки зрения теоретико-литературных критериев ее эпохи. Сколько-нибудь обязательная метрическая структура в них отсутствует; особенно поразительно то, что в секвенциях нельзя отыскать симметрии полустрофий; нет, конечно, и рифмы. Целое держится на очень свободном ритме и на тонко организованных синтаксических связях, позволяющих словам сохранять как бы дистанцию между собой и пребывать каждому в своем собственном излучении. Такая поэтика отвечает необычному содержанию этих гимнов, предназначенных не для богослужебного, а для приватного исполнения. В них почти полностью отсутствует наивно-повествовательный момент: например, из того, как Хильдегарда говорит о святом Руперте, читатель не узнает никаких подробностей из жития этого герцога Бингенского. Не дело Хильдегарды — рассказывать истории и разрисовывать картинки. Не найти у нее и рассудочного формулирования догматов (пусть читатель сравнит для контраста гимны в честь св. Троицы, содержащиеся в разделах "Религиозная поэзия XI века" и "Религиозная поэзия XII века"). Все гимны говорят об одном, давая как бы бесконечные вариации темы: эта тема — внутреннее преображение человека, таинство бракосочетания души с богом. К своим стихам Хильдегарда сама писала музыку.

Поскольку Хильдегарда при всей своеобычности своего творчества был" все же средневековым человеком, а не модернистом XX столетия, она внутренне нуждалась в том,

чтобы исходить из некоей уже наличной системы символов, — подвергая ее трансформациям. Таким источником для нее стала библейская Песнь Песней в аллегоризирующей интерпретации. Ассоциативные ходы, на которых построены стихотворения Хильдегарды, подчас невероятно сложны и глубоки, но никогда не произвольны; они неизменно укоренены в традиции. Предлагаемые в этой книге комментарии к текстам Хильдегарды стремятся хотя бы отчасти выявить эту укорененность.

Скончалась Хильдегарда 17 ноября 1179 г.

ГИМН О СВЯТОМ ДУХЕ

1. О Дух огнезрачный,
хвала Тебе,
что тимпанами движешь и кифарами (1).
2. Сердца людей горят по Тебе,
и дома душ их (2)
собирают силы свои.
3. Через это воля восстала,
и вкус душе сообщила (3),
и лампада ее воздыхание.
4. Ум призывает Тебя сладчайшими гласами,
и строения Тебе с разумностию готовит,
те, что каплют золотыми делами.
5. Ты же всегда имеешь при себе меч,
дабы отсекать,
что предлагается губительным яблоком (4)
через чернейшее человекоубийство,
6. Когда морок затмевает волю и воздыхания,
в которых душа взлетает
и повсюду кружится.
7. Но ум есть устой
для воли и воздыхания.
8. Когда же так дух движется,
что ищет узреть зеницу зла и челюсть мерзости (5),
скоро сжигаешь Ты его в огне, если соизволишь.
9. Когда же, однако, разумность
через злые дела отходит к падению,
Ты, по соизволению,
касаешься, и поражаешь, и возвращаешь ее,
вливая в нее изливание опыта (6).
10. Когда же зло устремляет на Тебя меч свой,
Ты обращаешь меч оный ему в сердце,
как сотворил Ты над первым отпавшим ангелом,
когда башню гордыни его низвергнул в геенну.
11. Здесь же иную башню
воздвигнул Ты из мытарей и грешников,
которые исповедуют Тебе грехи свои
и дела свои (7).
12. Через то все творения, Тобою живущие, хвалят Тебя;
ибо в Тебе благороднейший бальзам для ран зловонных,
что обращаешь Ты в драгоценнейшие жемчужины.
13. Ныне же соизволь всех нас собрать к Тебе
и на правые пути наставить. Аминь.

ГИМН СВЯТОЙ ДЕВЕ МАРИИ

Радуйся, благородная,
славная и непорочная Девица —
око целомудрия,
вещество освящения.
Господу угодное.
Ибо столь верховное
в тебя излилось наитие,
что Слово верховное
в тебе облачилось плотию.
О Белая Лилия,
ее же призрел Господь
превыше всего творения.
О прекраснейшая и сладчайшая,
сколь дивно Бог о тебе умилился,
если ласкание жара Своего
так в тебе положил, что Божий Сын
от сосцов твоих кормился.
Ибо чрево твое имело радование,
когда все созвучия хоров небесных
о тебе ликовали,
что девственно зачала ты Сына Божия;
через то чистота твоя
просияла во Господе.
Утроба твоя имела радование,
как трава, росой прохлажденная,
с небес нисходящею (8);
как то и в тебе совершилось,
о Матерь всякого радования.
Ныне же Церковь
совокупно алеет в радовании (9),
и ликует в созвучиях хоров,
сладчайшей ради Девы
и достохвальной Марии,
Божией Матери.
Аминь.

СЕКВЕНЦИЯ О СВЯТОМ РУПЕРТЕ

О, Иерусалим,
град златоблещущий (10),
украшенная Царя багряница,
О, строение верховной благодати,
которое есть свет неомрачаемый!
Ибо ты украшено в зорях,
как и в рдении солнца.
О, блаженное младенчество,
что багряно в зорях;
о, хвалимое отрочество,
что рдеет в солнце!
Ибо в них, благородный Руперт,

ты возблистал, как жемчужина;
через это не укрылся от малоумных,
но явлен, как холм среди долины (11).
Окна твои, Иерусалим,
топазами убраны и сапфирами (12),
дивно;
Когда в них, Руперт, просиял ты,
не укрылся ты от ленивых духом,
как бы холм, розами венчанный и лилиями,
словно багряница явленная.
О, нежный цветок полей (13),
О, сладкая свежесть плода,
О, бремя необременяющее,
не устремляющее сердца к виновности;
О, сосуд избрания (14),
что не осквернен и не пожран
среди плясания древнего вертепа,
и не уязвлен ранами
от древнего губителя!
Дух Святой песнословит в тебе,
ибо к ангельским сопричтен ты хорам,
и в Сына Божия облекся (15),
не имея в себе порока.
Сколь украшенный сосуд ты, Руперт,
ибо в младенчестве твоём и в отрочестве
твоём
устремлялся ты к Богу в страхе Божьём,
и в лобызании любви,
и в сладостном благоухании дел благих.
О, Иерусалим.
основание твоё положено на камнях из потока (16),
каковые суть мытари и грешники;
овцами потерянными были они,
но, Сыном Божьим обретенные,
к тебе пришли и в тебе упокоились;
Стены же твои блистают
живыми камнями (17),
что через усерднейшее рвение
благой своей воли
воспарили в небесах, облакам подобясь.
И через то башни твои, Иерусалим,
краснеют и белеют
багрянностью и белизною святых,
и всяким украшением Божьим,
в котором нет тебе недостатка,
О Иерусалим!
Так и вы, избранные и увенчанные,
обитание которых в Иерусалиме,
и ты, о, Руперт,
сотоварищ их в оной обители,
Подайте нам помощь,
молящим

и в изгнании страждущим.

СЕКВЕНЦИЯ ОБ ОДИННАДЦАТИ ТЫСЯЧАХ ДЕВ (18)

О, Церковь,
очи твои подобны сапфиру,
и горе Вефиль — уши твои,
и нос твой, как гора мирры и ладана,
и уста твои, как шум вод многих (19).
В видении веры неложной
Урсула Сына Божия возлюбила,
и мужа совместно с миром сим оставила,
и на солнце воззрела,
и прекраснейшего юношу призвала, глаголя:
Многим желанием, возжелала я прийти к тебе,
и в небесном браке воссесть с тобою,
через чуждую жизнь к тебе устремляясь,
как бы облако,
что в чистейшем воздухе проплывает,
подобясь сапфиру.
И когда Урсула молвила так,
Слух прошел по вселенной,
И сказали: "Невинность девическая
не ведает, что говорит".
И начали играть с ней
Во многих хорах,
покуда не возлегло ей на плечи
пламенеющее бремя.
Через то все
познали,
что презрение к миру,
как гора Вефиль.
И притом изведали
сладчайшее мирры и ладана благоухание,
ибо презрение к миру
превыше вещей подымлется.
Тогда Дьявол
вселился в члены буйственные,
что убили благороднейшие нравы
в сих телах (20).
И се, громогласно
все стихии вняли
и пред лицом Бога возгласили:
О, вот и алая кровь
Агнца неповинного
пролита во обручение его (21).
Это да услышат все небеса
и великими хорами да восславят
Агнца Божия,
что заградил гортань древнего Змия
веществом Слова Божия
в сих жемчужинах.

СЕКВЕНЦИЯ О СВЯТОМ МАКСИМИНЕ

1. Взирала голубица чрез оконные створы (22),
и пред оком взиравшим
струился бальзам, источаясь
от Максимины осиянного.

Солнечный жар разогрелся,
во мраках возблиставши;
через то и жемчужина явлена
в освященном строении (23)
любовью обильного сердца.

2. Сия башня созиждена
из кипарисов и кедров Ливанских (24),
гиацинтом и сардониксом убрана (25),
как град, художество зодчих превысивший,
Сей олень легконогий
прянул к источнику струй чистейших,
источенных из крепкого Камня (26),
сладкое благоухание восчувствовав.

3. О торговцы благовониями,
что утешаетесь в зелени садов царских,
к вершинам поднявшись,
когда уже заклан овен
и свершено приношение,
меж вас просиял сей художник.

подпора Храма,
воздыхавший о крыльях орлиных,
лобызая Премудрость-кормилицу
в благодатной плодоносности Церкви.

4. О Максимино, ты явлен как холм и дол,
но меж обоих как строенье чертога,
где Единорог и Слон выступают (27)
и Премудрость к уладам причислена.

Ты дивен и кроток в священнодействиях
и в алтарном пылании жертвы,
подъемлясь, как дым благовонный,
до столпов хваления выпренных;
там молись о людях твоих,
что восходят к дозорам Света,
Коему слава приносится в вышних.

ПЕСНОПЕНИЕ ХОРА ДЕВСТВЕННИЦ

1. О, сладчайший Жених,
сладчайший Лобызатель,
охраня, огради девство наше (28).

2. Рождены мы во прахе,
увы, увы! и во грехе Адамовом,
и тяжко бремя противоречить
имеющему вкус яблока; (29)
но отторгни нас от земли, Христе Спаситель.

3. Желанием горим мы
Тебе последовать;
о, сколь трудно нам, бедным,
подражать Тебе,
непорочному и невинному,
Владыке ангелов!
4. Все же уповаем на Тебя,
возжелавшего взыскать
жемчужину из тления (30).
5. Ныне призываем Тебя,
Жениха нашего и Утешителя,
ибо на кресте искупил Ты нас
6. Во кровях Твоих
обручением сочетались мы с Тобою (31),
отвергнув мужа,
избрав же Тебя, Сына Божия о прекраснейшем лице,
сладчайшее благоухание услад вожделенных;
всегда воздыхаем мы по Тебе в слезной юдоли:
о, когда Тебя узрим,
и с Тобою пребудем?
7. Ты в мире,
и Ты в уме нашем,
и обнимаем Тебя в сердце,
как бы имея Тебя с собою.
8. Ты, о Лев, сильный во бранях,
расторг неба пределы, прянув в ограду Девы (32)
и разрушил смерть,
жизнь устроая в златом Иерусалиме;
9. Даруй нам в оный вселиться,
И пребыть в Тебе,
о сладчайший Жених,
исторгший нас из пасти Дявола,
10. Что ложью уловил
прародителя нашего.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Ходовое для средневековой символики представление о св. Духе в образе огня ("огнезрачном") имеет для себя опору в тексте Деяний апостолов, 2, 3–4: "И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них; и исполнились все Духа Святаго". Св. Дух есть огонь, в частности потому, что огонь имеет свойство очищать: в Книге Исайи говорится об очищении "духом суда и духом огня" (4, 4). Вызываемое приходом Духа состояние экстаза символизируется праздничным шумом тимпанов и кифар, согласно тексту 150 псалма: "Хвалите Бога... с тимпаном и хорами, хвалите Его на струнах и органе". Со времен патристики толкователи Библии любили усматривать в тимпане и струнных инструментах аллегория души, звучащей от прикосновения музыканта — св. Духа.

(2) Сравнение устрояемой души со строящимся домом обычно для языка христианской мистики: глагол, передаваемый в русском тексте Нового Завета как "назидать", и по-гречески (????????), и по-латыни (aedificare) означает "строить дом". Ср. слова Христа в Евангелии от Луки: "Всякий, приходящий ко мне, и слушающий слова мои, и исполняющий их....

подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился, и положил основание на камне" (6, 47–48).

(3) Имеется в виду, разумеется, не чувственный, а сверхчувственный "вкус" — вкус души к мистическому созерцанию. Средневековые мистики любили говорить о пяти чувствах души, противостоящих пяти чувствам тела. Библейская опора для фразеологии Хильдегарды — слова 33 псалма: "Вкусите и увидите, как благ Господь!" (ст. 9.).

(4) "Губительное яблоко", плод с древа познания добра и зла, означающий в символической системе Хильдегарды чувственные помехи к духовной свободе, "Человекоубийство" — угашение духовной жизни, которое есть дело дьявола, называемого "человекоубийцей от начала" еще в Евангелии от Иоанна, 8, 44.

(5) "Челюсть мерзости" — неожиданный и смелый образ, обусловленный, однако, теми контекстами, в которых в Библии появляется слово "челюсть" (напр., "челюсти преисподней", пс. 140, 7).

(6) "Опыт" (*experientia*), т. е. непосредственное мистическое переживание — одно из кардинальных понятий в мировоззрении Хильдегарды, как и других средневековых мистиков.

(7) "Первый отпавший ангел" — Люцифер. В средние века распространено было представление, согласно которому души праведных людей должны будут восполнить у престола бога число ангелов, отпавших вместе с Люцифером: ангелы через гордыню ниспадают с небес в ад, люди через смирение восходят с земли на небеса и удостаиваются занять место павших. Символ гордыни — башня (ср. рассказ Книги Бытия о Вавилонской башне или пророчество Исаяи о том, что гнев божий "грядет на всякую башню"). Но одновременно созидание башни, как и созидание дома, означает духовное самоусовершенствование (ср. в Евангелии от Луки, 14, 27–28: "И кто не несет креста своего и не идет за мною, не может быть моим учеником: ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для окончания ее?"). Эта полисемия образа башни используется Хильдегардой для противопоставления двух "башен": ложного самопревознесения и истинного восхождения.

(8) Средневековые толкователи Библии любили представлять девственное зачатие Марии в образе росы, тихо и неприметно сходящей с небес на руно Гедеона (Книга Судей, гл. 6). В 109 псалме, истолковывавшемся как пророчество о Христе, говорится: "подобное росе рождение Твое" (ст. 3).

(9) Алый цвет — символ небесной любви и духовного горения, один из цветов Девы Марии.

(10) Речь идет о Небесном Иерусалиме, описанном в Апокалипсисе как символ высшей надмирной реальности (гл. 21). Об этом городе говорится, что он есть "чистое золото, подобен чистому стеклу", т. е. блеск золота совмещен в его облике с прозрачностью. В средневековом словаре символов золото означает славу, блаженство, царственность Христа, духовную драгоценность созерцания.

(11) Холм и гора — постоянные символы мистического восхождения (ср. образ Моисея, поднимающегося на Синай для предстояния богу). Но для Хильдегарды св. Руперт есть "холм" и по иной, более приватной причине: монастырь, в котором Хильдегарда была настоятельницей, расположился на "Рупертском холме" (Рупертсберг). Образ св. Руперта незаметно перетекает в образ так хорошо знакомого Хильдегарде "холма среди долины" — того самого холма, ее холма, — чтобы немедленно, в то же мгновение обернуться мистическим знаком высоты и подъема.

(12) Топаз — символ благоразумия и добрых дел, сапфир — символ надежды и созерцания.

(13) Ср. образ "лилии долин" в Песни Песней (2, 1).

(14) Выражение из Деяний апостолов, 9, 15.

(15) Ср. Послание к римлянам. 13; 14; "Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа". Одевание со времен античных мистерий символизирует высшую сущность, образ которой

сообщается человеческому "я" и последним воспринимается.

(16) Образ "камней из потока", символизирующий души, изъятые из волн житейских и положенные в основу духовного здания (ср. выше примечание 2), соотносится сразу с двумя ветхозаветными текстами: с рассказом о том, как Иисус Навин приказал взять из середины Иордана двенадцать камней в память о том, как вода Иордана разделилась перед Ковчегом Завета (Иис. Навин, 4, 1–9), и с упоминанием "пяти гладких камней из ручья" которыми вооружился Давид перед боем с Голиафом (I Царств, 17, 40).

(17) Ср. новозаветный текст: "И сами, как живые камни, устроят из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. Ибо сказано в Писании: "...вот, я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в него не постыдится" (Исайя, 28, 16). "Итак, он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла" (I Петра, 2, 5–7). Сходным языком говорит Послание к ефесянам: "Вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе" (2, 19–21).

(18) Одиннадцать тысяч дев — легендарные спутницы св. Урсулы, якобы блуждавшие с песнями и плясками в поисках случая к мученичеству. Урсула, дочь британского короля, убитая на обратном пути из паломничества гуннами в середине V в., обрела в легенде явственные черты кельтской водной богини. Яркий, фантастический, почти "дионисийский" колорит этой легенды очень чутко воспринят Хильдегардой.

(19) Эти непривычные метафоры вдохновлены поэтикой Песни Песней. Ср. такой пассаж: "Шея твоя — как столп из слоновой кости; глаза твои — озера Есевонские, что у ворот Батраббима; нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску" (7, 5). Сравнение гласа божьего с "шумом вод многих"

есть у Иезекииля, 43, 2 (вот откуда пушкинское: "И голос, шуму вод подобный").

(20) Имеются в виду гунны, перебившие девическую рать Урсулы.

(21) Стилизован характерный тон Апокалипсиса (ср., напр.: "И я видел, и слышал голоса многих ангелов вокруг престола, и животных, и старцев... которые говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь, и славу, и благословение", 5, 11–12). Для понимания всего места нелишне иметь в виду, что Урсула — невеста, и пока совершается ее гибель, ее мать вышивает для нее свадебный наряд. Ее смерть — бракосочетание. В Ветхом Завете бог однажды назван "жених крови" (Исход, 4, 25).

(22) "Через оконные створы" показывается жених в Песни Песней (2, 9): он "мелькает", он и видим, и невидим. Средневековые мистики видели в этом описание поведения "жениха души" — бога. Человеческая душа — перед йогом всегда невеста, и поэтому Максиминоу в этой секвенции отводится роль Суламифи из Песни Песней.

(23) См. выше примечание 2.

(24) Снова реминисценция из Песни Песней: "Кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы" (1, 16). Так описывается брачный терем, символизирующий душу созерцателя, в которую входит жених — бог.

(25) Гиацинт и сардоникс фигурируют в описании Небесного Иерусалима (21, 20). Обычно гиацинт означал мудрость, сардоникс — любовь.

(26) См. выше примечание 17. Камень — Иисус Христос: он есть "источник воды живой", как называет себя бог у Иеремии (2, 13). Жажущий олень — символ духовной жажды, согласно словам псалма: "Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!" (41, 2).

(27) Слоны — символ целомудрия; единорог, зверь недоступный, но склоняющийся в лоно непорочной девы — символ воплощающегося Христа. Для нас слон реален, а единорог нереален; для Хильдегарды оба были одинаково реальны и одинаково непредставимы.

(28) Эту молитву "невест Христовых" необходимо понимать двояко: в буквальном и символическом планах. "Невесты Христовы" в узком смысле — монахини. Хильдегарда сама была монахиней и была окружена монахинями, и борьба с искушениями за добросовестное исполнение монашеского обета была для нее повседневной жизненной реальностью. Но мы только что видели, что всякая душа — девическая, женская или мужская — есть в широком смысле слова невеста Христова, и под ее "девством" следует разумеать духовную отрешенность. Те души, которые потеряли эту отрешенность в корыстной привязанности к земным благам, не достойны тайны соединения с небесным Женихом.

(29) Имеется в виду плод с Древа познания.

(30) Жемчужина — древний символ избранной души.

(31) Кровь, пролитая Христом на кресте, — брачный дар невесте — Церкви и обручающимся с Христом душам.

(32) К Христу был применен ветхозаветный мессианский символ Льва из колена Иуды (Бытие, 49, 9) уже в Апокалипсисе: "Вот лев от колена Иудина, корень Давидов, победил" (5, 5). Девственное чрево Марии у средневековых авторов часто уподобляется "запертому саду" Песни Песней (4, 12). Но Христос, зачатый однажды, вновь и вновь зачинается каждой "девственной" (т. е. чистой и отрешенной) душой, а потому "ограда Девы" есть также и эта душа.

Перевод С.С. Аверинцева